

1. Раздел власти (февраль 1984 г.)

А.Черняев, присутствовавший на февральском пленуме ЦК, вспоминает: «Ровно в 11 в проеме дверей показалась голова Черненко. За ним — Тихонов, Громыко, Устинов, Горбачев и др. Зал отреагировал молчанием. Не встали, как это было, помнится, когда также первым вошел Андропов после смерти Брежнева»².

Как уже говорилось выше, приход К.Черненко к власти определялся его положением в Политбюро. Он был «первым среди равных» геронтократов. Предлагая Черненко на пост Генсека, Тихонов говорил: «Наша партия распола-

гает большим количеством хорошо подготовленных кадров. Я считаю, что в Политбюро ЦК у нас также есть достойные товарищи... Я думаю, что все мы едины, что Константин Устинович Черненко — достойная кандидатура на пост Генерального секретаря ЦК КПСС... Товарищ Черненко К.У. уже давно занимается вопросами работы Политбюро и Секретариата ЦК»³. Последнее обстоятельство было ключевым — Политбюро было органом согласования интересов многочисленных бюрократий СССР, и для этой работы был необходим очень специфический аппаратный опыт, действительно имевшийся у Черненко.

Горбачев, вплетая свой голос в хор одобрения кандидатуры Черненко, обратил внимание на необходимость учета разных течений, существовавших в руководстве: «Заседания Политбюро и Секретариата, которые он ведет в последнее время, проходят в духе единства, в духе учета мнений всех товарищей...»⁴ Во время предварительных консультаций, предшествовавших пленуму, Горбачев поддерживал другую кандидатуру: «Наиболее подходящей кандидатурой на роль преемника Андропова я считал Д.Ф.Устинова, хотя ему в то время было уже 75 лет». Этот вариант гарантировал бы самому Горбачеву пост «человека № 2». Устинов будто бы даже выступал за избрание Генсеком Горбачева: «Устинов при этом будто бы заявил, что Политбюро придется самому сделать выбор, а что касается его личного мнения, то он будет выдвигать Горбачева... Андропов и Устинов делали ставку на Горбачева, заявил мне спустя некоторое время сам Дмитрий Федорович», — вспоминает Горбачев⁵. Этот слух опровергает Е.Чазов, которому Устинов прямо сказал, что сам предложил кандидатуру Черненко на узком совещании в составе Устинова, Черненко, Громыко и Тихонова. Устинову нужна была компромиссная фигура, он опасался выдвижения кандидатуры Громыко⁶.

Устинов «двигал» Горбачева в более далекой перспективе. По словам члена ЦК КПСС Е.Новикова, «Перестройка была во многих смыслах задумкой военных. О ней говорили уже в 1982 году, особенно в свете американского перевооружения»⁷. Здесь возможна важная подмена понятий. Конечно, американское давление, лишний раз высветившее недостатки советской экономики, стимулировало какие-то преобразования, и военные (как и значительная часть чиновников других отраслей) одобряли саму идею грядущих преобразований. Не случайной была и поддержка лидером военных Устиновым будущего реформатора Горбачева — человека энергичного, соратника Андропова, продолжение политики которого Устинов поддерживал, как мог. Но это вовсе не значит, что «задумки военных» потом реализовывались в реформах 1985—1991 гг. Характер социально-политических сил, пришедших к власти в 1985 г., привел к быстрому оттиранию военных от принятия стратегических решений.

По утверждению Горбачева, «узкий круг» Политбюро не договорился окончательно, и на Политбюро Тихонов и Устинов шли каждый со своим мнением. Но, даже если эта версия соответствует действительности, Устинов не верил, что ему удастся убедить стариков в возможности назначения Горбачева, и не взял слова. Сам Горбачев считает: «Я тогда еще не был готов»⁸.

Пиетет, существовавший в Политбюро по отношению к «первому эшелону» команды Брежнева, был достаточным основанием для назначения Генсека именно из этой среды. К тому же никто из молодых не обладал достаточной информированностью о делах страны, чтобы противостоять «старикам».

В то же время сами «старики», сохраняя пока за собой власть, понимали необходимость готовить молодую смену. Этим объясняется перемещение Горбачева на место № 2 в знаменитых кремлевских «ранжирах» перед фотокамерами. Если бы Горбачев был соперником «стариков» в борьбе за власть, его карьера быстро пошла бы на убыль. Ссылки на численное соотношение сторонников и противников «консерваторов» и «либералов» в Политбюро вовсе не убедительны — конклав коммунистических «кардиналов» — это не парламент. Там все определялось не большинством голосов, а силой кадровых связей членов Политбюро. Связи Черненко, Громыко и Тихонова могли перевесить любое голосование. Только противостояние равносильных с этой точки зрения фигур могло поставить в повестку дня вопрос о численном соотношении сторонников и противников.

Раздел власти был осуществлен на заседании Политбюро 23 февраля 1984 г. Черненко подчеркнул в своем выступлении намерение усилить позиции Тихонова: «Министерства нередко тащат на Политбюро вопросы, минуя Совмин»⁹. Эта практика должна быть прекращена. Экономические перспективы страны также должно было разрабатывать Совмину, но при участии Горбачева, Алиева и Рыжкова. Затем Черненко предложил, чтобы Горбачев вел секретариат, а в отсутствие Генсека — и Политбюро. Об этом с новым Генеральным договорился Устинов¹⁰, выполняя, возможно, пожелание Андропова, раздутое позднее в версию о «завещании». Вспоминает Е.Лигачев: «Черненко был избран Генеральным секретарем, как говорится, без проблем. На Пленуме его кандидатуру выдвинул председатель Совета Министров Тихонов, она была поддержана, и все прошло гладко. Заминка произошла несколько позднее, когда на организационное заседание Политбюро Константин Устинович внес предложение поручить проведение заседаний Секретариата ЦК Горбачеву. Черненко, видимо, понимал, что тут нужен человек энергичный, молодой, физически крепкий. Однако не все члены Политбюро придерживались столь здравой точки зрения. На предложение Генсека немедленно откликнулся Тихонов:

— Ну, Горбачев превратит заседания Секретариата в коллегию Минсельхоза, будет вытаскивать туда сплошь аграрные вопросы...»¹¹

В протоколе заседания акценты выступления Тихонова потом были намеренно сдвинуты, чтобы затушевать возникшую в Политбюро трещину: «Выходит, что М.С.Горбачев, руководя работой секретариата, будет временно вести все вопросы сельского хозяйства. Я ничего не имею против Михаила Сергеевича, но не получится ли здесь определенного перекоса»¹². Выходит, что Тихонов возражает не против ведения Горбачевым секретариата, а против сохранения за ним при этом сельскохозяйственных вопросов. Такое возражение в реальности было лишено смысла, так как за «человеком № 2», как мы видели, закреплялось большое количество вопросов. В

конце того же заседания Горбачеву поручили даже руководство комиссией по Польше¹³. Суть возражения Тихонова касалась именно личности Горбачева, которого премьер обвинил в недостаточной компетентности. Это подтверждается несколькими независимыми друг от друга свидетельствами-мемуаристами. В протокол столь резкое замечание решили не заносить, и формулировка (видимо с согласия Тихонова) была смягчена. Архивные источники Кремля (как и многие другие архивные источники) далеко не всегда беспристрастно фиксировали происходящее.

Предложением Черненко Тихонов перемещался со второго места в партии, которое занимал. Он только что способствовал восшествию на престол Черненко, а тут столкнулся с такой неблагодарностью: «Ленин поступил бы иначе»¹⁴, — бросил премьер горькую реплику. Воротников так передает слова Тихонова: «А правильно ли отраслевому секретарю, который занимается вопросами сельского хозяйства, поручать ведение Политбюро? Не приведет ли это к определенному перекосу при рассмотрении вопросов на Политбюро? И вообще, — продолжал он, — обязательно ли вести Политбюро секретарю ЦК, ведь В.И.Ленин вел заседания Политбюро не будучи секретарем»¹⁵. Ссылка на Ленина выглядела неубедительно — структура партии за несколько десятилетий изменилась весьма существенно. «Тихонову возразил Устинов, — вспоминает В.Медведев, — “Но ведь Горбачев уже имеет опыт ведения Секретариата, да и вся предыдущая практика говорит, что ведущий секретариат всегда имел какой-то участок работы, и это не оказывало негативного влияния на работу Секретариата”»¹⁶.

«И тогда, — вспоминает Лигачев, — используя свой дипломатический опыт, слово взял Громыко. Чтобы снять возникшую напряженность, он предложил соломонино решение:

— Давайте подумаем, не будем сейчас торопиться, и позднее вернемся к этому вопросу»¹⁷. По воспоминаниям Воротникова, Громыко предложил назначить Горбачева временно¹⁸. Гришин предложил то же решение¹⁹. Вообще, вопреки распространенной версии, Гришин занимал в отношении Горбачева скорее нейтральную, чем враждебную позицию. А в 1985 г. его действия, как и позиция Громыко, способствовали приходу Горбачева к власти²⁰. Деловые качества Горбачева Гришин оценивал скептически²¹. Однако это означало, как казалось, что команда «молодых» не сможет обойтись без старых специалистов. Геронтократы не подозревали, что Горбачев способен вести «революционную» политику, отрицающую сами основы прежнего политического стиля, видели в «молодом» члене Политбюро фигуру, которая будет вынуждена слушаться их советов. К тому же политический опыт Гришина заставлял его воздерживаться от сопротивления политике, которого поддерживает КГБ. Позднее Гришин вспоминал: «Думаю, что в КГБ велись досье на каждого из нас, членов, кандидатов в члены Политбюро ЦК, других руководящих работников в центре и на местах. Можно предположить, что с этим было связано одно высказывание в кругу членов Политбюро Л.И.Брежнев: «На каждого из вас у меня есть материалы». Мы, правда, не спросили, что за материалы и откуда они, но предполагали, что из КГБ»²². Вероятно, в 1984 г. члены Политбюро уже знали о теплых отно-

шениях, установившихся у Горбачева с КГБ. Гришину было известно, что «компромат» на него собирает Лигачев²³. В этих условиях первый секретарь Московского горкома предпочитал нейтралитет, а в 1985 г. принял сторону сильного.

Баланс сил между «стариками» и «молодыми» был необходим и Черненко:

«Однако несколько флегматичный, слабый здоровьем Черненко неожиданно проявил характер и твердо сказал:

— Я все-таки настаиваю, чтобы вы поддержали мое предложение доверить ведение Секретариата товарищу Горбачеву»²⁴.

Окончательное решение так и не приняли, Горбачев был вынужден на заседаниях сидеть на своем прежнем месте, что сильно переживал. Встретившись в конце февраля с Черненко, он говорил ему, «что позиция Тихонова внесет разлад в Политбюро... Можно ли допустить такое, чтобы к председательству на Политбюро придет сегодня один, завтра другой и... Это же хаос, — рассказывал сам Горбачев об этом разговоре Воротникову. — Разговор повлиял на Черненко, и тот успокоил меня: позиция де ясная, не переживай»²⁵. Де факто Горбачев стал ведущим секретариата ЦК, и в мае по настоянию Устинова его и формально пересадили на место второго секретаря²⁶.

Так сложилась формула черненковского правления: власть «старой гвардии» плюс «реформизм», динамичное начало Горбачева и связанного с ним крыла андроповской команды. Черненко хотел править спокойно и для этого иметь Горбачева в союзниках и преемниках. Казалось, человек № 2 был достаточно молод и мог не торопиться, не «ускорять» кончину Генсека. Да и сам Горбачев стремился действовать осторожно, в спорных вопросах склонялся к компромиссам²⁷. В.Воротников вспоминает о его первоначальном стиле ведения Политбюро: «На первых порах робко, как-то неуверенно. Все обращается к «старикам» — их мнение. Явно подчеркивает свой демократизм, коллегиальность»²⁸.